

# ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 33:338

## ПЕРСПЕКТИВЫ И МЕХАНИЗМЫ РАЗВИТИЯ И КАПИТАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. Ю. СОЛОДОВНИКОВ

д.э.н., заведующий кафедрой «экономика и право»  
Белорусского национального технического университета

### Аннотация:

Установлено, что специфическим свойством социального капитала является то, что совокупное количество «социального капитала» в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала только на уровне всего социума, но и потому, что этот капитал может использоваться не только в продукционных целях, но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума. Разработаны механизмы новой стратегии развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь.

### ВВЕДЕНИЕ

При достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек. Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природой, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается. Это непосредственно предопределяется необходимостью предоставления большей степени экономической свободы хозяйственным субъектам, как основы для получения положительного синергетического эффекта от усложняющейся экономической системы общества. Во многом поэтому в XX веке в экономической теории возникло и бурно развивается социально-институциональное направление, концентрирующее внимание на социальных механизмах сокращения транзакционных издержек.

В современном глобализирующемся мире ни одно государство не может обеспечить свое устойчивое социально-эколого-экономическое развитие без непрерывного роста социального потенциала общества в целом, групп и классов в него входящих, отдельных индивидов. Именно увеличение социального потенциала на всех уровнях – вот важнейшая предпосылка социально-

экономической, экономической, политической и экологической безопасности Беларуси. Без роста цивилизованности (которая, как известно, «...формируется под воздействием внешних регулирующих норм социальности, часть которых так и не становится внутренним достоянием, соблюдается исключительно по необходимости» [1, с. 10] и представляет собой «...совокупность условий, извлекающих людей от затрат невосполнимого времени индивидуальной жизни на заурядное природное выживание. Именно цивилизация вырабатывает средства, сокращающие вмешательство человека в природный мир» [1, с. 10], т.е. способствует сокращению транзакционных издержек) и соответствующей культурной эволюции, включающей в себя нравственные, эстетические, религиозные измерения, невозможно обеспечить в длительной перспективе безопасное функционирование белорусского общества.

## РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Социальный капитал как экономическая категория

Рассмотрев теоретические основы исследования социального капитала в условиях глобализации [3, с. 199-313; 4, с. 469-474; 5, с. 148-150; 6, с. 6-8; 7; 8, с. 33-45; 9, с. 88-90] нами было установлено, что в рамках существующей обществоведческой традиции, воспринятой современной экономической теорией и восходящей к работам Дж. Коулмана, Р. Патнема, К. Маркса, П. Бурдьё, а также некоторых других мыслителей, под этим социальным явлением понимаются суммы выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий (как совокупности межличностных отношений, снижающих транзакционные издержки) с целью взаимовыгодного сотрудничества, достигаемого путем информационного обмена, и позволяющих получить осязаемую социально-экономическую выгоду.

Исходя из этого подхода (основанного на абсолютизации узкоэкономического и узкосоциологического подходов, на методологически абсурдном непрерывном разделении обществоведения на множество частных научных дисциплин со специфическими предметами исследования, которое сегодня не позволяет взглянуть на проблему в целом) следует, что функциональное назначение социального капитала в экономической системе общества, в макро- и микроэкономических системах заключается в оптимизации (снижении транзакционных издержек) взаимодействия субъектов в процессе их хозяйственной деятельности. При этом по гносеологической традиции, заложенной Дж. Коулманом и опирающейся на протестантский (англоязычная парадигма позитивизма, идущая от «теорий» общественного договора Т. Гоббса и Ф. Локка, через органицизм О. Конта и Г. Спенсера к современному структурному функционализму Т. Парсона и конфликтологизму Р. Дарендорфа, когда общество воспринимается как производная индивидуальных действий, либо индивидуальных интересов, либо индивидуальных габитусов и т.д.) (по сути выступающие воплощением атеистической, антидуховной традиции, восхваляющей индивидуальный и/или групповой эгоизм) происходит сведение всего социального богатства общества к социальному капиталу. В данном случае исследователями не учи-

тывается, что накопление социального капитала (как атрибута обществ с выраженной социально-классовой дифференциацией) частными агрегированными субъектами, ориентированными на оптимизацию своих эгональных социально-экономических интересов, не может не причинять в долгосрочной перспективе вреда (в том числе и экономического) обществу.

Установлено, что специфическим свойством социального капитала является то, что его совокупное количество в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала только на уровне всего социума, но и в связи с тем, что этот капитал социально-классовыми и хозяйственными субъектами может использоваться (и используется) не только на благо всего общества (или в продукционных целях), но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума. В социальных системах с сильными социально-классовыми антагонизмами и перекосенной социально-классовой структурой (высокая степень дифференциации между субъектами в имущественной и объемно-правой структурах) это будет приводить к использованию социального капитала, накопленного внутри социальных классов, прежде всего в целях классовой борьбы, что приведет к значительному снижению созидющего действия социального капитала на уровне общества, снизит продукционный эффект от использования этой формы капитала на уровне групп, а значит, понизит эффективность функционирования национальной экономической системы [3, с. 199-313; 4, с. 469-474; 10; 5, с. 148-150; 7].

Именно на базе развития трудовых отношений в процессе становления и эволюции общества разделенного труда формировались (и продолжают развиваться) такие важнейшие составляющие социального капитала как: обязательства, ожидания и надежность социальной и институциональной структуры; возможность получения информации с наименьшими издержками; существование норм (включающих в себя альтруистическое поведение в интересах социальной общности) и эффективных санкций; относительная замкнутость и апроприативность (способность социальной группы, первоначально созданной для одних целей, или сформировавшейся для оптимизации своих социально-экономических интересов в определенных условиях, по мере выполнения этих целей и/или изменения условий, трансформироваться в группу, преследующую другие цели) [11].

Соответственно представляется методологически правильным рассмотрение формирования и функционирования социального капитала (ресурса) Республики Беларусь в неразрывной связи с динамикой трудовых отношений и персонифицирующей их социально-профессиональной структурой общества. При этом нами учитывалось то, что существование и изменение социально-экономических и хозяйственных субъектов (исследуемых соответственно политической экономией и макроэкономикой), которыми происходит накопление социального капитала, определяется не только трудовыми отношениями. Так

при выделении социально-экономических субъектов учитываются три группы факторов: материально-вещественные, финансовые и социально-институциональные. Хозяйственные (или как их иногда называют – экономические) субъекты выделяются по двум типам факторов: материально-вещественным и финансовым. Почти все названные субъекты могут быть юридически оформлены.

Нами было показано, что экономическое развитие Российской империи в первых десятилетиях XX века, сопровождаемое социальным и социально-экономическим кризисами в сельском хозяйстве, ускоренным индустриальным развитием страны, политическим бесправием большинства населения империи, резким и значительным ростом имущественной дифференциации, когда рядом сосуществовали крайние проявления нищеты и богатства, привело к резкому снижению количества социального капитала на уровне социума. Усугубляемое вырождением правящей элиты (которая не могла править по новому) и формированием у большинства социальных классов представления о сложившейся социально-экономической системе как крайне не справедливой (низы не могли жить по старому), привело к обострению классовой борьбы в обществе с присутствием последней преимущественным накоплением социального капитала на уровне социальных классов и социально-классовых групп [12, с. 205-258; 13, с. 136-158; 14; 7; 8, с. 26-30; 9, с. 60-67].

В этой ситуации социальный капитал социально-классовыми субъектами использовался не на благо всего общества (или в продукционных целях), а с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, в том числе, и за счет насильственного свержения существующей политической системы, физического и экономического подавления социально-экономических субъектов. Это был исторический период, когда легко возникали социально-классовые группировки путем объединения социальных классов и социально-классовых групп с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов. Поскольку главным условием названной интеграции выступало временное совпадение интересов объединяющихся субъектов и явное противоречие их социально-экономическим интересам других социальных классов, то такое объединение тех или иных социально-классовых субъектов происходило на достаточно короткий исторический промежуток, и, следовательно, накопления социального капитала на уровне данной надклассовой общности не происходило. По нашему мнению, это выступало важным фактором того, что в период гражданской войны бывшие классы-союзники и политические партии, отстаивающие их интересы, так быстро переходили из разряда друзей в разряд непримиримых врагов (например большевики и эсеры).

В эпоху гражданской войны, когда на первое место выступает эгональный классовый (групповой) интерес, когда усиливающееся доверие и взаимопомощь внутри класса используется, прежде всего, для социально-экономического (а часто и физического) подавления иных субъектов, когда место в системе трудовых отношений, отношений собственности и политической системе определя-

ется, прежде всего, не продукционными способностями индивидов, а их принадлежностью к тому или иному классу (с учетом исторически обусловленной степени социально-классовой мобильности) и социально-экономической силой этого класса, как правило, происходит деградация экономической системы общества. Эта деградация в свою очередь ведет к существенному снижению среднего уровня потребления в обществе, что, в свою очередь, также усиливает классовую борьбу, способствует разрушению остатков социального капитала на уровне социума и дальнейшему снижению продукционного эффекта от функционирования национальной экономической системы. Вырваться из этого «заколдованного круга» не возможно без ускоренного накопления социального капитала на уровне общества. А для того, чтобы это произошло, необходимо формирование национальной идеи, воспринимаемой как реальная цель значительной частью (большинством) населения [14; 7; 15, с. 26-30; 16, с. 60-67].

Нам удалось выяснить феномен становления советского класса государственных управленцев («партийно-государственной бюрократии»), легкости и быстроты, с которой он занял господствующее положение в обществе за счет того, что в исследовании были учтены:

во-первых, дифференциация социального капитала по определенным уровням и между различными социальными группами;

во-вторых, то, что практически на всей территории Российской империи (по-видимому, за исключением Латвии, Литвы, Финляндии, Эстонии, западных регионов Беларуси и Украины), а затем СССР существовала коммунальная материально-технологическая среда. Последняя, как известно, формирует соответствующие экономические институты и определяет не рыночный, а раздаточный характер хозяйственной системы. Коммунальность материально-технологической среды, подразумевающая ее целостность, неразрывность связей между элементами, ее представление как единого комплекса, состоящего под общим управлением, предопределяет скорейшее накопление социального капитала на уровне общества;

в-третьих, закономерности взаимозависимости динамики и высокой степени диссипативности таких социальных явлений как культура, институциональная и материально-технологическая среды. Названный тезис обозначает, что устойчивые, существующие как рамки для социально-экономического поведения, глубинные институциональные структуры, становление которых обусловлено материально-технологическими условиями возникновения и развития общества, неразрывно связаны (взаимообусловлены) не только с субъектными структурами их персонифицирующими, но и с культурой;

в-четвертых, историческую специфику форм и методов классовой борьбы в период 1917-1941 годов;

в-пятых, способности в этот период нового класса государственных управленцев не только эффективно формировать социальный класс на уровне общества, но и монопольно присваивать результаты от его использования [17, с. 104 – 106; 13, с. 136-158; 7; 15, с. 26-30].

Было выяснено, что по условиям необходимым для успешного формирования социального капитала на уровне общества, в Республике Беларусь имеется ряд преимуществ по сравнению практически со всеми постсоветскими странами. Сегодня по низкому уровню коррупции в органах государственного управления, по признанию значительной части населения, необходимости и полезности соблюдения законов наша страна лидирует в странах СНГ. В Беларуси растет искренняя религиозность населения, строятся новые храмы и туда приходит молодежь. У нас есть харизматический лидер, успешно выступающий в качестве инстанции, устанавливающей и поддерживающей статус этических норм. Вместе с тем, в республике по-прежнему не создана доминирующая, разделяемая большинством населения идеологическая доктрина, которая могла бы способствовать идеологической мобилизации общества, обеспечивающей дополнительный устойчивый прирост ВВП. Причин этому несколько: во-первых, по-прежнему наблюдается перераспределение финансовых потоков в пользу традиционных (аграрного, индустриального) технико-технологического укладов, а сферы экономики, формирующие постиндустриальный уклад и непосредственно определяющие уровень развития человеческого капитала, а также значительно влияющие на социальный капитал (наука, высшие и средние специальные заведения), финансируются по остаточному признаку; во-вторых, по-прежнему продолжается экономическая дискриминация гуманитарных наук, в то время как основной прирост ВВП в Беларуси достигается сегодня за счет административного, человеческого и социального капитала; в-третьих, недостаточный профессиональный уровень (и/или нежелание продуктивно работать) части государственных управленцев, которые подменяют идеологическую работу формальными отчетами. Это приводит к существенному понижению того идеологического эффекта, которому способствует деятельность А.Г. Лукашенко; в-четвертых, в стране отсутствует постоянное финансирование работ (и сами они носят спорадический характер) по созданию и постоянному совершенствованию национальной идеологической парадигмы и экономической идеологии. Следует помнить к чему привело СССР то обстоятельство (наряду, конечно же, с некоторыми другими), что по инициативе Политбюро ЦК КПСС полностью отсутствовало финансирование работ по выработке научной основы проводимой перестройки [18, с. 4-15; 19, с. 203-206; 20, с. 76-78; 14; 7; 21; 22, с. 148-154; 23, с. 155-158; 24, с. 75-79; 25, с. 187-191].

Опираясь на уже проведенные нами исследования можно выработать стратегию развития социального потенциала Республики Беларусь в современных условиях, когда проявились новые глобальные тенденции и императивы. Продолжающееся сегодня быстрое изменение характера мирохозяйственных связей, усиливающаяся политико-экономическая роль региональных лидеров (прежде всего стран БРИК), переход части экономически развитых стран к экономике знаний, ускорение НТР и ужесточение глобальной конкуренции за все виды ресурсов (включая рабочую силу), требует от Республики Беларусь эффективно использовать все виды экономических ресурсов.

По критерию экономической эффективности социальный капитал может быть сопоставим только с такими факторами производства как человеческий капитал и наука. В нашей стране уже накоплен значительный социальный потенциал (за счет проводимой социальной политики) и существует позитивный опыт его капитализации. Стабильно высокие темпы экономического роста в Беларуси не являются самоцелью, а прежде всего средством роста уровня жизни населения страны, то это (в условиях невысокой дифференциации доходов между децильными группами) объективно повышает уровень социального капитала на уровне общества. Исходя из специфики белорусской экономической модели (инновационная, социально-ориентированная, преимущественно рыночная) и современных глобальных императивов Республике Беларусь необходимо формировать устойчивый внутренний спрос как основу высоких темпов экономического роста за счет социальных эффектов, когда постоянный рост благосостояния, и, соответственно, спроса, населения, обеспечивает расширенное общественное воспроизводство за счет давления спроса.

Т. Натхов, проанализировав основные исследования, связанные с институциональной проблематикой, в контексте влияния образования и социального капитала на экономическое развитие [26, с. 112-123], справедливо отметил, что у институциональной гипотезы есть серьезные гносеологические конкуренты [26, с. 112]. Действительно, для устойчивого экономического роста необходимы свободные рынки и сильные институты [27] (под последним понимаются долговременные правила взаимодействия людей, дополненные механизмами принуждения [28]). Решающая роль институтов обоснована во многих новейших эмпирических исследованиях [29], однако основной вопрос заключается в том, какие из факторов оказывают большее влияние на экономический рост: человеческий и социальный капиталы или институциональная среда?

Согласно исследованиям Эд. Глейзера, Ла Порты, Лопес-де-Силанеса и др., человеческий капитал выступает более важной причиной экономического роста, чем институты, а совершенствование политических институтов происходит после того, как страна преодолевает бедность благодаря правильной экономической политике [30]. Анализ методологии оценки институтов, проведенный этими авторами, позволяет утверждать, как показывает Т. Натхов, «...что ни одна группа показателей качества институтов, которыми пользуются исследователи, не отражает долговременных характеристик институциональной среды: эти показатели весьма изменчивы и увеличиваются с ростом доходов на душу населения» [26, с. 113]. «Например, – отмечает указанный автор, – показатель риска экспроприации собственности был минимален для СССР и Сингапура в 1984 г., хотя здесь трудно говорить о наличии ограничений для власти. В Иране данный показатель увеличился с 1 до 9 (минимальный риск экспроприации) всего за 15 лет. Очевидно, что этот индекс не отражает постоянных правил, определяющих систему сдержек и противовесов верховной власти, хотя он может быть весьма полезен для оценки условий ведения бизнеса в соответствующих странах. Аналогичной критике можно подвергнуть и различные показатели эффективности государства: с учетом их субъективного оценочного харак-

тера, они отражают скорее результаты *ex post*, тесно коррелирующие с уровнем экономического развития, а не наличие политических ограничений как таковых» [26, с. 113].

Как показывают теоретические и эмпирические исследования, количественные оценки человеческого и социального капиталов характеризуются меньшими погрешностями, чем показатели качества институтов. К примеру, «...регрессии методом наименьших квадратов показали, что уровень образования гораздо более стабилен, чем показатели ограничений исполнительной власти» [26, с. 113]. Таким образом, человеческий и социальный капиталы являются более устойчивыми и объективными факторами, чем традиционные индексы качества институтов, т.к. последние не отражают ни ограничений власти, ни долговременные характеристики политической среды, ни качественные характеристики социальной среды. Анализ зависимости между институтами и развитием лишь доказывает, что «институты лучше функционируют в богатых обществах» [26, с. 113].

К примеру, из стандартного регрессионного анализа факторов экономического роста вытекает, что исходный уровень образования более значим для объяснения темпов роста, чем исходные показатели качества политических институтов. В данных регрессиях авторы оценивали зависимость десятилетних темпов экономического роста, начиная с 1960 г. от таких переменных как исходная продолжительность образования, исходный уровень доходов на душу населения и исходные ограничения исполнительной власти. Также представлены расчеты за весь период 1960-2000 гг. Результаты не подтверждают справедливость утверждения, что «институты являются причиной экономического роста» (количество наблюдений до 102 стран, 2 R до 0,55) [26, с. 113].

Исследование долгосрочного роста (с 1870 г.) по небольшой выборке стран (количество наблюдений до 31) также не выявил влияния исходных ограничений исполнительной власти на экономический рост. Более важным фактором оказывается исходная доля учащихся начальных классов. Страны были классифицированы по признакам накопленного человеческого капитала и политических институтов. Было выявлено, что почти во всех странах со стабильным демократическим режимом население высокообразованное. Напротив, практически во всех авторитарных государствах уровень человеческого капитала низкий. Более того, темпы экономического роста за период 1960-2000 гг. в странах с высоким исходным уровнем человеческого капитала (на 1960 г.) были, в среднем, в два раза выше, чем в странах с небольшой продолжительностью школьного обучения. Разброс темпов роста выше в странах с плохо образованным населением.

Интерпретировать эти результаты можно, используя работу американского политолога российского происхождения С. Липсета «Политический человек» [31], который утверждает, что основной эффект от образования носит не столько технологический, сколько политический характер. Положительные экстерналии образования снижают уровень насилия в обществе, укрепляют политическую стабильность, способствуют более надежной защите прав соб-



ственности и экономическому росту. Эта гипотеза подтверждается и А. Алезиной, который также показывает, что политическая стабильность благотворно влияет на экономический рост [32, с. 189-212].

Таким образом, основной переменной, определяющей производственные возможности общества, выступает уровень человеческого и социального капитала, а институты оказывают воздействие второго порядка и улучшаются по мере роста благосостояния. Эти выводы подтверждаются послевоенным экономическим развитием стран Юго-Восточной Азии, в особенности, КНР. Поэтому в целях выработки стратегий, обеспечивающих экономический рост и устойчивое развитие, необходим прежде всего поиск факторов, способствующих накоплению человеческого и социального потенциалов и их последующей капитализации [26, с. 114].

Экономисты С. Нэк и П. Кифер показали, что из-за повышения уровня доверия в стране на один пункт экономический рост увеличивается более чем на 0,5 п. [33, с. 1251-1288] Р. Ла Порта, Лопес-де-Силанес и др. выяснили, что при повышении доверия на один пункт эффективность судебных решений увеличивается на 0,7, а коррупция снижается на 0,3 п. [34, с. 333-338] С. Дьянков, Эл. Глейзер, Ла Порта и др. дали теоретическое обоснование данным взаимосвязям, согласно которой каждое общество сталкивается с выбором между различными вариантами организации, определяемыми кривой институциональных возможностей [35]. При таком подходе институты – лишь точки на кривой, положение которой зависит от накопленного социального капитала. Чем он больше, тем привлекательнее и альтернативные институциональные возможности общества. В связи с этим важно установить связь социального и человеческого капитала, так как социальный капитал «существует только во взаимоотношениях индивидов» [36, с. 126], это «характеристики социальной жизни – сети, нормы и доверие, – которые побуждают участников к более эффективному совместному действию по достижению общих целей» [37, с. 66] и возникает он лишь в тесной связи с человеческим капиталом и на его основе.

Одним из определяющих показателей человеческого капитала является уровень образования, который является важным, а иногда и важнейшим фактором социальной активности населения. Так, в работе Н. Ная и др. показано, в частности, как растущий уровень образования влияет на вовлеченность граждан в политический процесс [38]. Высокий уровень образования индивидов способствует созданию самоподдерживающегося климата доверия, отдача от которого увеличивается с ростом среднего уровня образования в стране. Дж. Хеллиуэлл и Р. Патнэм показали, что кумулятивный эффект от образования присутствует во многих видах социального взаимодействия, включая членство в различных клубах и организациях [39]. Высокий уровень доверия, формируемый общим уровнем образования, снижает затраты на контроль и принуждение к исполнению обязательств, вселяет уверенность в то, что цели организации будут достигнуты. Рост среднего уровня образования не только способствует перераспределению социального капитала в соответствующие группы, но и служит фактором его повышения. Дж. Хеллиуэлл и Р. Патнэм проводят регрессионный

анализ двух зависимых переменных – «Доверие» и «Честность». Так, например, каждый дополнительный год образования для индивида повышает его склонность к доверию на 4,4, рост среднего уровня образования на один год в определенном регионе повышает доверие на 2,4%.

Регрессионный анализ переменных социальной активности (членство в организациях, количество встреч в год в рамках клуба, работа в общественных проектах и участие в званых обедах) показывает, что образование индивида имеет решающее значение по сравнению с другими социально-демографическими показателями. Коэффициенты при соответствующих переменных максимальны и принимают значения от 0,23 до 0,71. Увеличение срока образования на один год ведет к росту социальной активности от 9% (званые обеды) до 14% (количество общественных проектов). Увеличение среднего уровня образования в регионе на один год приводит к росту участия в общественных проектах и в званых обедах (на 5% и 20% соответственно), не оказывает влияния на количество встреч в клубах и снижает участие в организациях на 1% и оказывает значимое негативное влияние только на участие в профсоюзах и церковных организациях [26, с. 117].

Таким образом, уровень образования является основной переменной, определяющей накопление социального капитала и, следовательно, набор институциональных альтернатив, доступных каждому обществу, что и определяет необходимость выявления механизма этого влияния. Теоретическая модель формирования социального капитала дает объяснение данному процессу [40].

Как правило, социальный капитал определяется как некий агрегированный показатель – например, как нормы и связи в определенном сообществе, однако, решения об инвестициях в социальный капитал (вступление в клуб, непрофессиональную организацию и т.п.) принимают индивиды, поэтому для понимания процесса формирования социального капитала необходимо определить данное понятие на индивидуальном уровне. С этой целью Глейзер проводит различия между общественным и индивидуальным социальным капиталом.

Общественный социальный капитал – это ресурсы сообщества, которые позволяют ему увеличивать свое благосостояние. Индивидуальный социальный капитал – это набор социальных навыков, которые увеличивают отдачу индивида от контактов с другими людьми (например, личная харизма, коммуникабельность, умение налаживать контакты, лингвистические способности). Подобные навыки могут быть как врожденными (экстравертный тип личности, харизматичность), так и приобретенными, т.е. это результат инвестиций в социальный капитал (количество знакомств и телефонных номеров в записной книжке). Такое «экономическое» определение близко к понятиям человеческого и физического капитала, поэтому можно провести аналогию с процессом инвестирования и накопления.

В теоретической модели, предложенной Эл. Глейзером, индивидуальный социальный капитал:

- увеличивается с ростом ставки дисконтирования;
- снижается с ростом мобильности индивида;

- снижается с ростом альтернативных издержек времени (opportunity cost of time);
- увеличивается с ростом отдачи от профессий, требующих социальных навыков;
- увеличивается со снижением нормы амортизации;
- снижается в течение жизни индивида.

В работе Эл. Глейзера и др. показана тесная связь между вероятностью переезда и членством в организациях (показатель, наиболее распространенный для измерения инвестиций в социальный капитал) [41]. Увеличение вероятности переезда на 20% снижает количество организаций, в которых состоит индивид на 0,15. Зависимость между возрастом индивида и социальным капиталом имеет вид перевернутой U-образной кривой – люди в возрасте около 40 лет более склонны к членству в различных организациях, чем в 20 или в 60 лет. Инвестиции в социальный капитал также сильно зависят от профессии, владения собственным домом.

Однако самый важный фактор накопления социального капитала – образование. Указанная переменная значима во всех возможных измерениях социального капитала. Организация местных сообществ, посещение церкви, уровень доверия, восприятие честности – все эти зависимые переменные зависят от уровня образования индивида в большей степени, чем каким-либо от других факторов.

Получение образования свидетельствует о том, что человек в большей степени ориентирован на будущее и, следовательно, у него сильные стимулы к инвестициям в социальный капитал. Согласно гипотезе Липсета, образование может снижать уровень насилия в обществе и повышать доверие к незнакомым людям. Эл. Глейзер и другие исследователи утверждают, что значительная часть образовательного процесса заключается в приобретении социальных навыков. Образование – не просто усвоение определенного количества информации, но и обучение взаимодействию прежде всего с одноклассниками и учителями. Существование университетских сообществ, поддержание многолетних связей выпускников подтверждает то, что университет был не только местом освоения новых знаний, но и способом накопления социального капитала.

Можно заключить, что накопление социального капитала происходит в результате многократного взаимодействия в относительно небольших группах людей. Поэтому годы совместного обучения в школе и вузе выступают наилучшим способом социализации и формирования у индивидов общих ментальных моделей (shared mental models). Однако данные теоретические построения еще требуют эмпирической проверки.

Как отмечают Эл. Глейзер и др.: «путь от индивидуального социального капитала к агрегированному сложен для понимания по причине огромной важности внешних эффектов (social capital externalities)» [41]. Индивидуальный социальный капитал, воплощенный в коммуникативных способностях, может быть весьма высок, но накопление общественного социального капитала очень

низким, а иногда и отрицательным по причине негативных экстерналий (например, организаторы финансовых «пирамид»).

Попытку построить теоретическую модель, учитывающую особенности социального капитала как общественного блага предпринял П. Дасгупта [42]. В какой-то степени ее можно рассматривать как продолжение идей Глейзера. Согласно этой модели, социальный капитал может влиять как на доходы отдельного индивида, так и на совокупную факторную производительность экономики.

Предположим, что экономика состоит из  $j$  агентов ( $j=1,2,\dots$ ) и производит один продукт  $Y$ . Количество физического капитала обозначим как  $K$ , количество труда как  $L$ . Агрегированный показатель человеческого капитала обозначим как  $H = \sum h_j L_j$ , где  $h_j$  человеческий капитал одного агента (количество лет обучения). Таким образом, совокупная факторная производительность будет задаваться функцией:

$$Y = AF(K, H), \quad A > 0,$$

где  $A$  – индекс институциональных возможностей, включающий превалирующую систему прав собственности, доверие и общее знание.

При прочих равных условиях экономика будет производить больше, если агенты разделяют общие ценности, знания и доверяют друг другу. Обратное также верно: при неизменных институциональных возможностях вложения в физический и человеческий капитал увеличивают выпуск.

Предположим теперь, что в экономике растет уровень кооперации и доверия между агентами. Как это увеличение будет транслироваться на выпуск? Приведет оно к росту  $A$  или  $H$ , или к росту этих переменных одновременно? Если да, то в какой пропорции? Автор утверждает, что распределение влияния будет зависеть от степени, в которой социальный капитал является общественным благом. Если экстерналии ограничены небольшой группой людей, улучшения будут влиять в основном на  $h_j$ , т.е. по Глейзеру – на индивидуальный социальный капитал членов данной группы. Если же экстерналии распространяются за пределы группы и в большей степени являются общественным благом, то они будут опосредованно  $A$ , что увеличит производственные возможности экономики в целом [26, с. 120-121].

Д. Нараян и Л. Причет, проанализировав статистику расходов домохозяйств на примере 50 деревень в Танзании, обнаружили, что там, где люди чаще участвуют в общественных организациях на уровне своего поселения, доходы домохозяйств больше (на душу населения) [43, с. 871-897]. В данном случае, социальная активность оказывает положительное влияние на всех жителей деревни и в терминах модели увеличивает совокупную факторную производительность через переменную  $A$ . В одной из ранних эмпирических работ, посвященных оценке влияния доверия на функционирование крупных организаций, был проведен регрессионный анализ по выборке из 40 стран [9, с. 333-338]. Результаты, опираясь на классическую работу Патнэма и др. [44], подтвердили гипотезу о значительном влиянии доверия на многие переменные, в частности эффективность судопроизводства, коррупцию и бюрократию. Таким образом

следует признать доказанным, что в рыночной системе принципиально важны разнообразные отношения, основанные на доверии, которые складываются в обществе, между субъектами рынка (например, отношения между населением и властью).

Перспективы усиления продукционного эффекта рыночной системы Республики Беларусь за счет социального потенциала

Для усиления продукционного эффекта рыночной системы Республики Беларусь за счет наращивания и оптимизации использования социального потенциала необходимо пройти несколько взаимосвязанных (и зачастую параллельно протекающих) этапов:

- во-первых, необходимо законодательно закрепить за экономическими субъектами такие функции в обществе, которые соответствуют движению к социально-ориентированной экономической системе. При этом изменение законодательства должно происходить в направлении усиления целенаправленного конфигурирования государством (институциональными методами и созданием соответствующей этому правовой базы) социальной структуры общества на основе создания приоритетно стимулирующих условий для развития групп и классов, являющихся выразителями трудовых и системных интересов и определяющих успешность накопления социального капитала на уровне общества и перехода к постиндустриальному пути технологического развития, прежде всего таких как: интеллигенции, менеджеров, государственных управленцев, а также целенаправленное качественное изменение классов: рабочих и крестьянства (в направлении роста их профессионализма и адаптации к новым постиндустриальным технологиям), класса служащих силовых структур (в направлении сокращения их численности и роста профессионализма). При этом необходимо обеспечить защиту социально-экономических интересов детей и учащейся молодежи, сокращению деклассированных групп;

- во-вторых, для ослабления уравнилельных тенденций, которые неизбежно возникают в социально-ориентированной модели, базирующейся на некоммунальной материально-технологической среде, необходимо институционально содействовать формированию на уровне хозяйственных субъектов социального капитала («корпоративной культуры») в тех формах и объемах, пока он (социальный капитал) используется главным образом в продукционных целях, а не становится выразителем монопольных экономических интересов и не препятствует накоплению социального капитала на уровне общества. Важным механизмом при этом должна стать этика бизнеса, когда и процесс оценки экономических решений происходит на основе соотнесения их с моральными стандартами, присущими культуре данного общества и внутренняя работа в компании происходит в соответствии с этическими нормами;

- в-третьих, в трансформационных экономических системах необходимо, чтобы государство играло ведущую роль в конфигурировании социально-экономических интересов социальных субъектов (для снижения социальной напряженности в обществе, роста социального капитала на общественном уровне, увеличении социального капитала в социальных группах, в том числе в

классах, и хозяйственных субъектах в формах и пропорциях не искажающих сущность белорусской социально-экономической модели – социально-ориентированной, устойчивой, рыночной). При этом необходимо учитывать, что специфика функционирования социального капитала в Республике Беларусь позволяет говорить о потенциальных возможностях понижения производственного эффекта от социального капитала в масштабах национальной экономики за счет чрезмерного развития социального капитала как на уровне общества (ведущего к усилению уравнивательных тенденций в экономической жизни – раздаточный характер распределения, свертывание товарно-денежных отношений и т.д.), так и на уровне частных социально-экономических субъектов (приводящее к усилению монопольных тенденций);

- в-четвертых, необходимо проводить целенаправленную политику, делающую невозможным присвоение социального капитала, накопленного на уровне общества, частными экономическими субъектами – социальными классами, группами, крупными хозяйственными субъектами и т.д.;

- в-пятых, необходимо в ближайшие годы преодолеть ряд негативных факторов, отрицательно влияющих на накопление человеческого и социального капиталов: распределение средств государственного бюджета не в пользу науки; недостаточное число работников науки и научного обслуживания, что явилось следствием длительного сокращения их численности (за последние пятнадцать лет в республике численность работников, выполняющих научные исследования и разработки сократилась в 3,7 раза, в том числе исследователей – в 3,5 раза); снижение среднего квалификационного уровня преподавателей высшей школы, что не может негативно не сказаться на качестве подготавливаемых студентов; дискредитация фундаментальной науки, что негативно сказывается на уровне подготовки научных кадров; нехватка промышленных рабочих высшей квалификации (в Германии их 52% от общего числа индустриальных рабочих, в США – около 40%, в Беларуси – 12-16%, в России – 7%);

- в-шестых, необходимо формирование новой экономической идеологии путем:

- осознания социальными группами и классами своих социально-экономических интересов и на этой основе самоидентификация общественных групп в новом социально-экономическом пространстве (именно в регулярно повторяющихся актах борьбы за совместную реализацию своих экономических интересов происходит объединение индивидов в элементарные социальные группы и классы), что помимо прочего будет способствовать построению гражданского общества;

- осознания большей частью людей зависимости своего социального и экономического положения от успешности социально-экономического развития социума в целом (адаптация к новому статусу и роли);

- формирования у субъектов хозяйствования экономического поведения, адекватного социально-ориентированной экономике;

- формирования у большинства работников новой трудовой постиндустриальной культуры и адекватных ей социальных качеств;

- прекращения экономической дискриминации науки, системы высшего образования и возрастания роли науки о человеке, обществе, природе в процессе сознательного регулирования социальных и социально-экономических процессов;

- государственного финансирования системных мероприятий по научной разработке государственной идеологии;

- в-седьмых, необходимо формировать новую нравственную экономическую культуру путем:

- конфигурирования процесса организации неформальных объединений в виде деловых сетей, функционирование которых основано на высокой степени взаимного доверия, постоянных взаимных услугах, негласных договорах, которые лишь отчасти отражаются в формальных договорах, дополняя их. Экономический эффект от социального капитала в данном случае заключается в формировании этики внутрисетевых отношений, позволяющей оказывать широкий спектр неформальных услуг «для своих»: скидки, задержки оплаты, кредиты под низкий процент, вето на использование кабальных условий, запрет на применение силы при решении хозяйственных споров и т.д. В данном случае дополнение юридических (формальных) отношений межличностной системой взаимопомощи, основанной на общих этических принципах, позволяет повысить уровень экономической безопасности бизнеса, т.к. является действенным способом снижения рыночных рисков и нестабильности, катализатором деловой активности;

- совершенствование социально-экономических механизмов получения и использования информации хозяйственными субъектами за счет социального капитала как способа экономии транзакционных издержек. Неравномерность в распределении информации и, соответственно, неполнота обладания ею является важным атрибутом экономической системы общества. Социальный капитал позволяет индивиду получить недостающую информацию путем обмена между участниками соответствующих социальных сетей. Таким образом, удается с наименьшими издержками уменьшить негативные хозяйственные последствия от асимметричности распределения информации и таким образом повысить безопасность экономических систем различной степени интегрированности;

- формирование новых посткапиталистических финансовых отношений на основе нравственных (в том числе и религиозных) принципов. В случае, если кредитные отношения внутри сообщества обладающего достаточным для этого социальным капиталом, строятся на оптимальном сочетании формальных и неформальных финансовых институтов, подкрепленных едиными моральными позициями, то они становятся более конкурентными чем формальные финансовые институты, работающие в рамках классического капиталистического хозяйственного уклада. В первом случае расширяется ресурсная база кредитования, облегчается получение кредитов, когда залогом выступают не только (и не столько) материальные ресурсы, а доверие, т.е. социальный потенциал кредитополучателя. Сегодня примером такой эффективной системы кредитования может служить исламский банкинг. Для Республики Беларусь становление но-

вых посткапиталистических (нравственных) финансово-кредитных отношений может стать важным фактором обеспечения экономической безопасности как за счет роста устойчивости национальных кредитных институтов в условиях глобального финансового кризиса, так и за счет расширения возможных потребителей кредитных ресурсов – основы для роста внутреннего спроса и расширения экспортного потенциала. В качестве одного из первых шагов в этом направлении может стать, например, создание христианских и исламских банков;

- внедрения новых посткапиталистических механизмов конфигурации управления персоналом (в хозяйственных субъектах и государственных учреждениях) на основе широкого использования социального капитала, накопленного как на уровне общества, так и на уровне экономических субъектов. Так, если на стадии поиска работы социальный капитал позволяет минимизировать асимметрию информации на рынке труда (т.е. снижает индивидуальные транзакционные издержки), то после трудоустройства социальные связи работника являются дополнительным ресурсом (социальным капиталом) для организации. Для самого работника использование возможных социальных сетей создает условия для повышения его индивидуального социального потенциала, в том числе и за счет ресурсов организации в которой он трудится. Последнее выступает фактором повышения индивидуального профессионализма и дальнейшего карьерного роста. В современных условиях хозяйствования этого однако не достаточно для укрепления экономической безопасности страны. Необходимо, чтобы при использовании работником социального капитала и его накоплении перманентно присутствовал «нравственный фильтр», ограничивающий пределы возможного эгонального поведения;

- в-восьмых, необходимо сформулировать новую социальную парадигму инновационного развития страны, для чего необходимо:

- чтобы в центре внимания всей прикладной науки находились нужды реального сектора экономики – ядра экономической системы общества, что требует разработки системы критериев для выяснения социально-экономической эффективности импорта той или иной технологической инновации или же разработки ее отечественными специалистами;

- обеспечить сохранение всех существующих сегодня фундаментальных научных школ – единственной основы для объективной и комплексной оценки тех научных разработок, которые к нам могут и будут поступать из-за границы;

- разработать критерии комплексной социально-эколого-экономической эффективности всех инновационных проектов для Республики Беларусь, в том числе с учетом уже понесенных обществом издержек;

- прекратить, а если это невозможно, то хотя бы сократить подготовку тех специалистов (в том числе за счет значительного повышения оплаты за учебу, чтобы таким образом хотя бы частично компенсировать те издержки, которые понесли общество и государство для того, чтобы вырастить и социализировать потенциального мигранта), которые сегодня не востребованы в Республике Беларусь, но легко найдут себе работу за рубежом;



- выработать государственную стратегию развития промышленности, включающую в себя механизмы перераспределения бюджетных ресурсов для быстрых структурных трансформаций отечественной индустрии. Если это не сделать прямо сейчас, то это придется выполнить уже завтра, но с еще большими социальными, экономическими и экологическими издержками;

- пересмотреть государственную парадигму развития общественных наук с учетом сегодняшних глобальных тенденций, когда реальностью становятся интеллектуально-идеологические войны [45, с. 233-237; 46], когда принцип «кто не хочет кормить своих гуманитариев, тот будет кормить чужих гуманитариев и чужую армию» перестает быть преувеличением. При этом следует сделать упор на сохранение и развитие, а в ряде случаев и создание, национальных научных школ фундаментальной направленности, позволяющих критически оценивать достижения зарубежной теории и вырабатывать новые методологические подходы для дальнейшего конфигурирования белорусской институциональной модели хозяйствования. Необходимо возродить значение социальной философии и политической экономии как наук не только прагматических, но и апологетических. Реализация названной государственной парадигмы должна сопровождаться обязательной независимой экспертизой всех учебников и учебных пособий (для школ, ВУЗов и т.д.) по гуманитарным и экономическим дисциплинам на предмет соответствия их белорусской государственной идеологии, социальным и хозяйственным реалиям нашей коммунально-материально-технологической среды. Это не только повысит уровень безопасности страны, но и будет способствовать росту социального потенциала Беларуси – важного фактора устойчивого экономического развития.

При этом было бы неправильным не учитывать того, что проблема преимущественно инновационного развития страны не сводится только к развитию фундаментальной и прикладной науки, отвечающей уровню современного развития человеческой цивилизации и возникающим глобальным вызовам: это условие необходимое, но не достаточное. Решение вышеназванной проблемы, по нашему мнению, невозможно без формирования социально-экономических институциональных механизмов эффективного распределения новых знаний и технологий по всей территории государства. Без преимущественно инновационного развития регионов невозможно устойчивое развитие страны. В противном случае, в любом государстве будет увеличиваться количество проблемных регионов, усиливаться социальное неравенство и сокращаться количество социального капитала, накапливаемого на уровне общества [3, с. 199-313; 47, с. 370-387; 48, с. 205-358]. Главное конкурентное преимущество в настоящем и будущем – это интеллектуальный потенциал страны, формирование которого должно рассматриваться как приоритетная задача. Совершенствование механизма продвижения наиболее талантливых представителей всех слоев общества в управленческую и интеллектуальную элиту предполагает ввод в нее не только новых людей, но и новых идей.

Глобальный институциональный кризис 2008-2010 гг., открывающий эпоху краха современного капитализма, который неизбежно будет сопровождаться

нарастанием международных противоречий, порождаемых эгоизмом стран «золотого миллиарда» и нежеланием большинства жителей планеты мириться с современными формами капиталистического (грабительского по своей сути) перераспределения материальных, интеллектуальных и культурных благ [49; 50, с. 55-65; 51], позволяет с большой степенью вероятности моделировать будущее общество (в том числе его экономическую систему) в случае благоприятного (не катастрофического) варианта развития человеческой цивилизации. В этом случае будущее общество, сумевшее преодолеть пороки классического капитализма, будет характеризоваться следующими признаками:

- многоукладностью, с возможным переходом частнокапиталистического уклада из доминирующего в периферийный, с сохранением его высокого предпринимательского потенциала как важного фактора общественного воспроизводства;

- нравственностью, т.е. выдвиганием морали в качестве важнейшего критерия и фактора формирования и развития международных политико-экономических отношений и национальных экономических систем;

- экологичностью, т.е. усилением экологического (природосберегающего) императива в процессах общественного воспроизводства;

- свертехнологичностью, воплощающейся в формировании в реальном секторе экономики 5-6-го технологических укладов.

Таким образом, переход экономики к «посткапиталистическому» этапу развития не может не сопровождаться становлением новой формы социальной организации общества – социально-научного общества. В связи с этим, по нашему мнению, до тех пор, пока не будет найдена более адекватная категория, будущее общество может быть обозначено как посткапиталистическое социально-научное общество. Названное определение подчеркивает с одной стороны возрастание нравственных и экологических (посткапиталистических) принципов оценки экономической эффективности общественного воспроизводства, а с другой стороны показывает увеличение роли научно-технической революции и новых институциональных форм использования ее достижений в экономической системе общества (формирование социально-научного сообщества).

Следует подчеркнуть, что в экономической литературе при рассмотрении институциональных последствий современного этапа НТР уделяется крайне мало внимания становлению такого важнейшего института, персонифицирующего процесс превращения науки в непосредственную производительную силу, как социально-научное сообщество. Это происходит не только потому, что многие экономисты, стоящие на позициях беккеровского экономического империализма [2], концентрирует свое внимание либо на виртуальных проблемах функционирования идеальной рыночной экономики, либо на локальных аспектах конкретных рынков, но и потому, что эта проблема по причине своей гносеологической сложности требует применения политико-экономических методов исследования, которыми сегодня владеют немногие ученые-экономисты. Вместе с тем, без уяснения политико-экономической природы такого сложного

институционального феномена, как социально-научное сообщество, невозможно в полной мере раскрыть социально-экономические последствия НТР.

Большинство зарубежных исследователей, говоря о будущем (посткапиталистическом, постиндустриальном, постпредпринимательском) обществе, подмечают, что в качестве базового элемента в нем, прежде всего, рассматривается прогресс теоретического знания. Д. Белл отмечает: «Постиндустриальное общество (посткапиталистическое социально-научное сообщество – С. С.) развивается сегодня на основе всемерного использования, заключенного в прогрессе теоретического знания» [52]. Он подчеркивает, что в этом обществе «главным ... стало доминирование теоретического знания, превалирование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов, которые... могут быть использованы для изучения самых разных сфер опыта» [52].

Уже упомянутый П. Жракер также подчеркивает, что важнейшее отличие современного этапа НТП заключается в том, что если раньше наука применялась для совершенствования орудий производства и развития новых форм его организации, то теперь она используется для получения нового знания [53]. Л. Туроу сумел доказать, что именно развитие экспериментальной науки в направлении науки системной, а затем теоретической (фундаментальной) предопределило последовательное становление лидерства Великобритании, Германии и США в экономическом и политическом отношении [54]. М.А. Измайлова по этому поводу заявляет: «Благодаря тому, что теоретическое знание приобрело роль основного производственного ресурса, облик современного общества изменился гораздо более существенно, нежели под воздействием любых иных процессов, определяющих социальную жизнь на протяжении последнего столетия. В результате образование превратилось в важнейшую социальную ценность, сформировались принципы меритократии, возник новый класс, который можно назвать «классом производителей знания» или «классом интеллектуалов», радикально изменилась мотивация деятельности современного работника и т.д.» [55, с. 37].

С появлением класса интеллектуалов и повышением экономической отдачи от его труда существовавшая в классическом капиталистическом обществе «тенденция к отделению капитала от работника сменяется на противоположную – к их слиянию» [56]. При этом ни одна из сторон (ни работники, ни предприниматели) не является ни зависимой, ни независимой, они взаимозависимы» [53], поэтому ими приходится «управлять таким образом, как если бы эти люди были членами добровольных организаций» [57].

У класса интеллектуалов формируется новая посткапиталистическая мотивационная система, их нравственные позиции, которые еще совсем недавно мешали оптимизации их экономических интересов (как, например, классу интеллигенции в СССР и в постсоветском переходном обществе [58, с. 50-52; 59, с. 364; 60, с. 388-437]), сегодня не только не препятствуют росту их политико-экономического статуса в обществе, но и вызывают эволюции всей социально-экономической системы общества, делая ее все более нравственной. Мораль, социальный потенциал, накопленный на всех уровнях общества и гуманистиче-

ские формы его капитализации [48, с. 205-358; 13; с. 23-140], обеспечивают устойчивое развитие, национальную безопасность и высокую конкурентоспособность отечественной продукции.

По мере развития класса интеллектуалов и увеличения его социально-экономической роли в обществе нематериалистическая мотивация, характерная, прежде всего, для этого класса, начинает проникать из информационного в другие уклады. Последнее уже само по себе также способствует увеличению значения нравственности в хозяйственной деятельности.

М.А. Измайлова справедливо отмечает, что «институциональная структура современного общества представляется его исследователям состоящей из шести элементов: экономических предприятий, социального комплекса, научных учреждений, предприятий по производству общественных благ, добровольных организаций и домашних хозяйств. Первые четыре элемента составляют формальную экономику, тогда как последние два представляют собой комплементарное хозяйство» [55, с. 3-39]. В посткапиталистическом социально-научном сообществе научно-исследовательские институты и вузы, осуществляющие проверку, систематизацию и формирование новых фундаментальных теоретических знаний, становятся доминирующим технологическим укладом. Это не означает, как подчеркивает М.А. Измайлова, что большинство «...граждан постиндустриального социума (посткапиталистического социально-научного сообщества – С.С.) будет представлено учеными, инженерами, техническими специалистами или интеллектуалами, хотя уже сегодня большинство населения не является бизнесменами; оно скорее привлекает внимание к той конструктивной роли, которую выполняет наука как коммерческое по своей сути предприятие при переходе к новому строю» [55, с. 3-39].

Стратегия развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь

Главную роль в формировании социального капитала, используемого в сфере экономики, играют первичные хозяйственные формирования (главным образом – фирмы) и межфирменное взаимодействие. Социальный капитал фирмы (предприятия) зависит от места и роли данной организации в общественном производстве, может быть представлен образом, репутацией, сложившейся в процессе ее деятельности, имиджем и формируется на основе взаимодействия отдельных индивидов.

Фирма функционирует в условиях неопределенности и поэтому внутрифирменное доверие должно быть фактором коммерческого успеха предпринимательской структуры (фирмы). Неопределенность экономической среды предопределяет и необходимость межфирменного взаимодействия и осознанного выбора стратегии развития, основывающегося на учете интересов избранных участников. Стратегический капитал фирмы в данном случае – весь комплекс личных контактов, связей, взаимодействий, доверия, которым располагает руководство фирмы. Особенностью социального капитала является то, что он способствует более производительному использованию всех других видов ка-

питала, которыми располагает фирма и росту экономических результатов фирмы.

В результате качественных трансформаций белорусской экономики растет доля фирм, предпочитающих строить свою деятельность на социальном капитале, полезном для общества. Как установил на примере российского опыта хозяйствования П.Н. Шихирев, коллективные (инвестиционные, пенсионные и т.п.) фонды, обладающие в настоящее время двумя третями инвестиционных капиталов, растут на 15 – 20% быстрее, если обладают хорошей репутацией, не дискредитированной попытками заработать «быстрые», но грязные деньги [61, с. 29]. Одновременно в случае повышения качества работы государственного аппарата возможно повышение уровня доверия населения и бизнеса к государству, что также может позитивно повлиять на экономический рост в стране. Очень важно понимание специфики современной конкурентной борьбы, которая ведется теперь не только традиционными методами с помощью экономических и политических технологий, но и с применением информационных технологий, в первую очередь воздействующих на сознание людей.

Разрушение позитивной репутации страны-конкурента, информационная «подача» страны в искаженном негативном свете стали весьма распространенными методами конкурентной борьбы в практике некоторых стран и компаний в мировых СМИ. В этой связи необходимость накопления и позитивного социального капитала белорусскими предприятиями и страной в целом становится одной из важнейших современных проблем развития Республики Беларусь.

Экономический рост будет иметь место лишь тогда, когда становятся неотъемлемой частью жизни общества нормы, правила, традиции, социальные сети, складывающиеся на протяжении длительного времени, отношения собственности стабильны, законодательство строго исполняется, происходит пресечение проявлений негативного социального капитала. В связи с этим совершенствование белорусского национального социального капитала должно происходить по трем основным уровням хозяйствования: на микроуровне (семьи и фирмы (предприятия), межфирменного взаимодействия), мезоуровне (между социально-экономическими субъектами, взаимодействующими в рамках различных региональных формирований) и макроуровне (формирование положительного образа страны, укрепление конкурентных позиций на мировых рынках). Таким образом, необходимы целенаправленные усилия фактически всех структур белорусского общества. Выполнение приоритетных национальных проектов в области образования, здравоохранения, обеспечения жильём населения, а также развития агропромышленного комплекса также положительно скажется на качестве социального капитала.

При выработке стратегии развития социального потенциала и форм его капитализации в Республике Беларусь необходимо так же учитывать, что социальный капитал характеризуется значительными внешними эффектами (экстерналиями). Как известно, экстерналии принято разделять на положительные эффекты, которые увеличивают благосостояние других субъектов, и отрицательные эффекты, уменьшающие благосостояние других субъектов.

Чтобы определить совокупное влияние социального капитала какой-либо группы на экономическое развитие территории, можно использовать критерий Калдора-Хикса, который позволяет оценивать результаты с позиции экономической эффективности. Согласно критерию, ситуация, при которой увеличение благосостояния одной группы лиц вызывает уменьшение благосостояния остальных групп, считается эффективной, если совокупное благосостояние увеличивается (причем имеется в виду потенциальная способность компенсировать потери благосостояния остальных группы, что не означает, что данная возможность будет реализована) [62, с. 12-14].

Структурный социальный капитал облегчает получение информации, способствует коллективным действиям и совместному принятию решений путем распределения ролей, формирования социальных связей и других социальных структур, связанных с правилами, процедурами и прецедентами. Когнитивный социальный капитал более субъективен и неосязаем, так как к нему относятся нормы, ценности, взаимное доверие, отношение и вера. Данные формы могут существовать как вместе, так и отдельно.

Цели социального капитала могут быть различными. В одном регионе ключевым направлением может стать снижение трансакционных издержек, в другом – достижение взаимного доверия, в третьем – решение проблем территории совместными усилиями.

Исходя из этого, выбор показателей для оценки влияния социального капитала на эффективность управления экономическим развитием территории зависит от области его исследования.

Как известно, существуют три основных типа координации: 1) взаимное приспособление, при помощи которого координация достигается в процессе неформального общения; 2) прямое управление, когда один человек осуществляет координацию деятельности других людей; 3) стандартизация рабочего процесса, конечного результата. Данные типы координации сопоставимы с известными типами администрации: иерархическая, патерналистская, партнерская. В рамках управления территориальным развитием особый интерес представляет первый тип координации в сочетании с партнерской формой администрации. Это означает, что управление развитием происходит на основе равных партнерских отношений между субъектами территориального образования, которые в процессе неформального общения вырабатывают стратегии достижения конечных целей развития. Взаимное приспособление согласуется с одним из четырех признаков местного сообщества (в рамках современной концепции развития местных сообществ), а именно с чувством сообщества, т.е. осознанием человеком своей принадлежности к данной территории, окружающим людям и процессам. Способность к кооперации, самоорганизации и координации своих действий играет основную роль в процессе управления территориальным развитием. В данном ключе социальный капитал выступает и как предпосылка, и как результат взаимного приспособления (первый тип координации). Такая двойственная роль социального капитала легко объяснима. С одной стороны, социальный капитал подразумевает добровольное участие людей в общем деле

на основе уважения и взаимного доверия. С другой стороны, люди, участвующие в этом процессе, имеют различные индивидуальные характеристики и, следовательно, они вынуждены приспосабливаться друг к другу и искать пути для созидательной работы.

Существует известное противоречие между понятиями «экономический рост» и «экономическое развитие». Всесторонний подход к развитию местных сообществ говорит о необходимости нахождения баланса между ними, так как, с одной стороны, экономическое развитие предоставляет местному населению новые возможности, с другой – увеличивает нагрузку на местное культурное наследие и социальную среду.

Для успешного функционирования экономики необходима не только четко налаженная система регулирования взаимоотношений субъектов хозяйствования, но и кроме всего прочего идеология, поддерживаемая большей частью населения. Установлена положительная корреляция между доверием и уверенностью индивида в своей способности поддерживать и контролировать свою жизнь. Такой философией существования граждан и является социальный капитал. В качестве наиболее значимого вклада социального капитала в экономическое развитие территории можно выделить следующие положения:

1) снижение уровня транзакционных издержек, т.е. ведение предпринимательской деятельности требует меньших по объему затрат необходимых ресурсов;

2) соблюдение норм взаимного уважения и доверия между субъектами хозяйствования;

3) наличие межличностного доверия, способствующего принятию формальных прав собственности;

4) активное гражданское участие, обязывающее политические институты быть более гибкими, прозрачными и доступными;

5) развитие интенсивных социальных сетей между индивидами и группами, облегчающих движение информационных потоков, а также способствующих быстрому распространению инноваций;

6) наличие социального капитала, служащего неформальным гарантом (граждане способны идти на риск при поддержке своих друзей, близких или других граждан) [86]. Таким образом, социальный капитал способствует решению и социальных, и экономических проблем. Процесс экономического развития требует комбинации различных типов капиталов. Социальный капитал обладает уникальными свойствами повышать эффективность вкладываемых ресурсов и увеличивать эффект от инвестирования в физический и человеческий капитал. Таким образом, социальный капитал – это не только вклад в функционирующее производство, но и фактор движения этого процесса. Получила подтверждение гипотеза о положительной корреляции между степенью удовлетворенности населения качеством жизни и объемом и качеством социального капитала, который способен мобилизовать индивид.

В связи с этим возникает необходимость «рационального использования социального капитала за счет конвертации его в экономический, репутацион-

ный, административный и другие виды капитала» [63]. Государственные институты призваны выполнять функции консолидации сообщества и формировать доверие в нем. Региональные власти обладают управленческими ресурсами для накопления социального капитала микро- и макроуровня, способствующего конструированию единого регионального пространства, формированию в нем системы устойчивых социальных связей и повышению качества жизни населения. В соответствии с этим, формулируется ряд рекомендаций, наиболее значимыми среди которых представляются следующие: заложить в основу социальной политики органов регионального управления концепцию социального капитала; рассматривать уровень доверия населения региона к органам государственной власти и местного самоуправления как важный критерий результативности управленческой деятельности; эффективным способом укрепления доверия населения региональным органам управления и служащим является обеспечение большей открытости и прозрачности их деятельности с использованием возможностей СМИ, Интернета, «электронного правительства» и непосредственных контактов с жителями; выдвинуть повышение качества жизни населения региона в разряд приоритетных направлений, успешная реализация которого взаимосвязана с инновационным развитием и реализацией национальных социальных проектов в регионе; в ситуации финансово-экономического кризиса, неопределенности и риска необходима разработка и реализация мер укрепления гражданской идентичности, которая выполняет интеграционную функцию в региональном сообществе.

## ВЫВОДЫ

В результате многолетнего исследования феномена социального потенциала, нами установлено, что специфическим свойством социального капитала является то, что совокупное количество «социального капитала» в обществе не является суммой «социальных капиталов» всех его субъектов. Это происходит не только потому, что существуют некоторые проявления социального капитала только на уровне всего социума, но и потому, что этот капитал социально-экономическими субъектами может использоваться не только в производственных целях, но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума. Для экономической оценки здесь можно использовать критерий Калдора-Хикса.

Разработаны механизмы новой стратегии развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь, включающие в себя: пересмотр государственной парадигмы развития общественных наук с учетом сегодняшних глобальных тенденций; введение обязательной независимой экспертизы всех учебников и учебных пособий (для школ, ВУЗов и т.д.) по гуманитарным и экономическим дисциплинам на предмет соответствия их белорусской государственной идеологии, социальным и хозяйственным реалиям нашей коммунальной материально-технологической среды.



## ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневская, С.Н. Социальный обмен деятельностью: механизм регуляризации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / С.Н. Вишневская. – Калуга, 2006
2. Радаев, В.В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В.В. Радаев // Социологические чтения. – М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. – Вып. 2.
3. Демографический потенциал, человеческий и социальный капитал в условиях глобализации / С.Ю. Солодовников [и др.]; под общ. ред. Солодовникова С.Ю. – Минск: Право и экономика, 2006. – 396 с.
4. Солодовников, С.Ю. Эвристический потенциал и границы использования в экономической теории категории социальный капитал / С.Ю. Солодовников // Новое качество экономического роста. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 25-26 октября 2007 года г. Минск. – Минск: Право и экономика, 2007.
5. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы учета феномена социального капитала при формировании перспективной модели социального развития / С.Ю. Солодовников // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы IX Международной научной конференции (Минск, 16-17 октября 2008 г.): в 4 т.; ред. С.С. Полоник и др. – Минск: НИЭИ Мин-ва экономики Республики Беларусь, 2008. – Т. 2
6. Солодовников, С.Ю. Эвристический потенциал использования категории социальный капитал при моделировании социально-экономических процессов / С.Ю. Солодовников // Управление в социальных и экономических системах: материалы XVII международной научно-практической конференции (Минск, 2-6 июня 2008 года). – Минск: изд-во МИУ, 2008.
7. Солодовников, С.Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников; науч. ред. П.Г.Никитенко; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Белорусская наука, 2009. – 303 с.
8. Солодовников, С.Ю. Принципы исследования категории «социальный капитал» в современной политической экономии / С.Ю. Солодовников // Новая экономика. – 2008. – № 11-12 (41-42).
9. Солодовников, С.Ю. Теоретико-методологические основы учета феномена социального капитала при определении тенденций развития мировой экономики / С.Ю. Солодовников // Республика Беларусь в системе международных экономических отношений. Сборник материалов Международной

научно-практической конференции 23-24 октября 2008 года, г. Минск. – Минск: Право и экономика, 2009.

10. Никитенко, П.Г., Солодовников, С.Ю. Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Белорус. наука, 2008. – 518 с.

11. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: Белорус. наука, 2008.

12. Солодовников, С.Ю. Роль социального капитала в развитии и протекании социально-экономических процессов в XX веке в Российской Империи и СССР / С.Ю. Солодовников // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2008. – № 2.

13. Человеческий потенциал Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников [и др.]; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2009.

14. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал и аграрный кризис в России и СССР в первой четверти XX века: взаимообусловленность, протекание и формы разрешения / С.Ю. Солодовников / С.Ю. Солодовников // Новая экономика. – 2009. – № 1-2 (43-44).

15. Солодовников, С.Ю. Влияние социального капитала на протекание и разрешение аграрного кризиса в России и СССР / С.Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2009. – № 1.

16. Солодовников, С.Ю. Влияние социального капитала на процесс становления советской бюрократии / С.Ю. Солодовников // Проблемы теории и практики формирования белорусской экономической модели (к 120-летию со дня рождения В.В. Куйбышева). Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 30 мая 2008 г., г. Минск. – Минск: Право и экономика, 2008.

17. Солодовников, С.Ю. Мировые технологические тенденции и социально-экономический рост Республики Беларусь: итоги, проблемы и перспективы / С.Ю. Солодовников // Вестник КРАГСиУ. Теория и практика управления. – 2007. – № 5 (10).

18. Солодовников, С.Ю. Проблемы инновационного социально-экономического развития Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Управление инновациями – 2007: Материалы международной научно-практической конференции; под. ред. Р.М. Нижегородцева. – М.: Доброе слово, ИПУ РАН, 2007.

19. Солодовников, С.Ю. Формирование социального капитала в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы междунар. Науч. практ. конф., посвящ. 75-летию БГЭУ (Минск, 20 мая 2008 года). – Минск: БГЭУ. – Т.1.

20. Современная социоэкологическая динамика Республики Беларусь в контексте экономической безопасности / С.Ю. Солодовников [и др.]; науч. ред.

П.Г. Никитенко; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Белор. Наука, 2009. – 503 с.

21. Nikitenko, P.G., Solodovnikov, S.J. The concept of innovative socio-economic development of the Republic of Belarus / P.G. Nikitenko, S.J. Solodovnikov // Wplyw idei zrownowazonego rozwoju na polityke panstwa i regionow.. – Bialystok: Wydawnictwo Wyzszej Szkoły Ekonomicznej w Bialymstoku. – Т.1.: Problemy ogolnopanstwowe i sektorowe. Monografia naukowa pod redakcja Bazylego Poskrobki

22. Solodovnikov, S.J. The role of social capital in the conditions of innovative socio-economic development / S.J. Solodovnikov // Wplyw idei zrownowazonego rozwoju na polityke panstwa i regionow.. – Bialystok: Wydawnictwo Wyzszej Szkoły Ekonomicznej w Bialymstoku. – Т.1: Problemy ogolnopanstwowe i sektorowe. Monografia naukowa pod redakcja Bazylego Poskrobki

23. Солодовников, С.Ю., Жуковская, О.Ю. Влияние социального капитала на конфигурацию рыночной системы Республики Беларусь в контексте национальной безопасности / С.Ю. Солодовников, О.Ю. Жуковская // Журнал международного права и международных отношений. – 2009. – № 1.

24. Солодовников С.Ю. Инновационные методы социально-экономического развития регионов: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Проблемы развития экономики и сферы сервиса в регионе: материалы III Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. – Сыктывкар, СФ СПбГУСЭ, 2009. – Ч. 1.

25. Натхов, Т. Образование, социальный капитал и экономическое развитие (обзор основных исследований) / Т. Натхов // Вопросы экономики. – 2010. – №8.

26. Easterly, W. The Elusive Quest for Growth: Economist's Adventures and Misadventures in the Tropics / W. Easterly. – MIT Press, 2001.

27. North, D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance / D.North. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

28. Acemoglu, D., Johnson, S., Robinson, J. Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson // Handbook of Economic Growth. Vol.1A / P.Aghion, S.N.Durlauf. – N.Y.: Elsevier, 2005.

29. Glaeser, E., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A. Do Institutions Cause Growth? / E. Glaeser, R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer // NBER Working Paper, 2004. – № 10568.

30. Lipset, S.M. Political Man: The Social Basis of Modern Politics / S.M. Lipset. – N.Y.: Doubleday, 1960.

31. Alesina, A., Ozler, S., Roubini, N., Swagel, P. Political Instability and Economic Growth // Journal of Economic Growth. 1996. Vol. 1, № 2.

32. Knack, S. Does Social Capital Have An Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, P. Keefer // Quarterly Journal of Economics. – 1997. – Vol. 112, № 4.

33. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., Vishny, R. Trust in Large Organizations / R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny // American Economic Review Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87, № 2.
34. Djankov, S., Glaeser, E., La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A. The New Comparative Economics / S. Djankov, E. Glaeser, R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer // NBER Working Paper. – 2003. – № 9608.
35. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – №3.
36. Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam. – Prospect, March 1996.
37. Nie, N. H. Education and Democratic Citizenship in America / Nie, N. H., Junn, J., Stehlik-Barry, K. – Chicago: University of Chicago Press, 1996.
38. Helliwell, J. Education and Social Capital / R. Putnam // Eastern Economic Journal. – 2007. – Vol.33, No. 1.
39. Glaeser, E. The Formation of Social Capital / E. Glaeser // Canadian Journal of Policy Research. – 2001. – № 1.
40. Glaeser, E., Laibson, D., Sacerdote, B. The Economic Approach to Social Capital / E. Glaeser, D. Laibson, B. Sacerdote // NBER Paper. – 2000. – № 7728.
41. Dasgupta, P. Social Capital and Economic Performance: Analytics / P. Dasgupta // Mimeo. Faculty of economics, University of Cambridge, 2002.
42. Narayan, D., Pritchett L. Cents and Sociability: Household Income and Social Capital in Tanzania / D. Narayan, L. Pritchett // Economic Development and Cultural Change. – 1999. – Vol. 47, № 4.
43. Putnam, R. Making Democracy Work: Civic traditions in Modern / R. Putnam, L. Leonardi, R. Nanetti. – Princeton: Princeton University Press, 1993.
44. Конев, А.А. Социальный капитал как фактор экономического роста в современной экономике: автореф. дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.01 / А.А. Конев. – Иркутск, 2007. – 171 с.
45. Солодовников, С.Ю., Черныш, С.Л. Мозговые центры Запада / С.Ю. Солодовников, С.Л. Черныш // Наш современник, 2008. – № 12
46. Бессонова, О.Э., Кирдина, С.Г., О’Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России / О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина, Р. О’Салливан. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996
47. Никитенко, П.Г., Солодовников, С.Ю. Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Белорусская наука, 2008
48. Демографическая ситуация, человеческий и социальный капитал Республики Беларусь: системный анализ и оценка / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: Белорусская наука, 2008
49. Исламский рынок банковских услуг: сущность, развитие опыт / Ж.А. Майсак [и др.]. – Минск, Белорусская наука, 2009. – 142 с.
50. Внешняя торговля Беларуси: состояние, проблемы, перспективы / С.Ю. Солодовников [и др.]. – Минск: НО ООО «БИП-С», 2002

51. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск: Белорус. наука, 2006
52. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., 1999
53. Drucker P.F. Post-Capitalist Society / P.F. Drucker. – N.Y., 1995
54. Thurow, L. Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies, and Countries in a Knowledge-Based Economy / L. Thurow. – L., 1999
55. Измайлова М.А. Социально-экономические последствия постиндустриального этапа развития общества // Вестник российского государственного торгово-экономического университета. – 2008. – № 6 (27)
56. Sakaiya, T. The Knowledge-Value Revolution or a History of the Future / T. Sakaiya. – Tokyo-N.Y., 1991
57. Drucker on Asia. A Dialogue Between Peter Drucker and Isao Nakauchi. – Oxford, 1997
58. Солодовников, С.Ю. Трансформация социально-классовой структуры белорусского общества: методология, теория, практика / С.Ю. Солодовников. – Минск: 2003
59. Солодовников, С.Ю. Класс интеллектуалов // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика./ Главн. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Мн.: МФЦП, 2002
60. Никитенко П.Г., Солодовников С.Ю. Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Белорусская наука, 2008
61. Шихирев, П.Н. Природа социального капитала: социально психологический подход / П.Н. Шихирев // Общественные науки и современность. 2003. – № 2. – С. 17–32
62. Фейзба, М. Я. Социальный капитал как фактор экономического развития территории: Автореф. . дис. кандидата экономических наук: 08.00.05 / М.Я. Фейзба. – М., 2007. – 25 с.
63. Утина, М.С. Социальный капитал как фактор качества жизни населения региона: социолого-управленческий анализ: автореферат дис. на соискание учен. степени кандидата социологических наук: 22.00.08 / М.С. Утина. – Волгоград, 2010.